

Особенности изображения эмоций автора-повествователя и героя в повести Н.В. Гоголя «Нос»

Шарофиддинова Фарангиз Камолiddин кизи
Студент (бакалавр)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в г.Ташкенте, Ташкент, Узбекистан
E-mail: farangizsarafiddinova@gmail.com

Эмоциональная сфера в литературе играет ключевую роль в раскрытии внутреннего мира персонажей и авторской позиции. В творчестве Н.В. Гоголя приобретает особую функцию: эмоции героев и автора-повествователя формируют два самостоятельных, но перекликающихся между собой голоса. Основу гоголевского повествования составляет сказ – уникальная форма речи, которая оживляет повествование за счет ярких речевых представлений и эмоциональной насыщенности: в повести «Нос» он подчеркивает гротескность ситуаций и эмоциональный контраст, усиливающий комический эффект [Эйхенбаум,1969:306].

Центральный конфликт повести – столкновение человека с системой, где чин и внешний облик важнее личного достоинства, – задает эмоциональную логику происходящего. Нос, получив чин статского советника, становится воплощением иерархии, которой сам Ковалев поклоняется, и этот парадокс формирует эмоциональную структуру текста. Наблюдательная точка автора-повествователя намеренно подвижна: рассказчик скользит между персонажами и меняет интонацию вслед за их состояниями. Уже в первой сцене он выражает недоумение и иронию: «Он засунул пальцы и вытащил –нос!» [Гоголь,1994] Короткие, обрывистые фразы, пауза и внезапное восклицание создают эффект разыгранной сцены, будто сам повествователь переживает шок. Гоголевский сказ строится «не по принципу только логической речи, а больше по принципу речи выразительной, в которой особенная роль принадлежит артикуляции, мимике и звуковым жестам» [Эйхенбаум,1969:307]

Эмоциональный путь Ковалева представляет собой философское испытание, проходящее через несколько стадий. Первая – экзистенциальный шок: обнаружив пропажу, герой «велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно нет носа!» [Гоголь,1994]. Повторное удостоверение в произошедшем выражает не растерянность, а попытку отрицания: для Ковалева потеря носа равна утрате социального лица, поэтому его главный страх связан не с физическим дефектом, а угрозой общественному статусу. Надежда восстановить справедливость сменяется унижением. В сцене встречи с носом в соборе герой «едва мог устоять, весь дрожал, как в лихорадке» и при этом обращается к отделившейся части собственного тела подчеркнуто вежливо, поскольку та обладает более высоким чином [Гоголь,1994]. Борьба с отчужденной частью тела достигает кульминации в монологе: «без носа человек – черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин» [Гоголь,1994]. Почти трагическое отчаяние быстро снижается: мысли героя соскальзывают к светским знакомым – «вдруг узнают, Боже сохрани!» [Гоголь,1994]. Внутренний кризис обворачивается не кризисом личности, а кризисом репутации. Финальное возвращение носа приносит герою искреннюю радость – Ковалев «чуть не дернул по всей комнате босиком тропака» [Гоголь,1994] и сразу возвращается к прежнему образу жизни, став разве что чуточку добрее. Тем самым герой упускает возможность духовного обновления: испытание, которое могло бы привести к переоценке ценностей, остается для него лишь временной помехой, не затрагивающей глубинных оснований его личности.

Эмоциональная позиция автора-повествователя – скрытая ирония, проявляющаяся не столько через голоса героев, сколько через его собственные эпитеты, ремарки и намеренные несоответствия. Уже в начале повести он называет случившиеся с Ковалевым «*необыкновенно странным происшествием*» [Гоголь,1994], задавая гротескный тон и подчеркивая абсурдность происходящего. Ирония усиливается в характеристиках: после подробного описания Ивана Яковлевича как «*пьяницы страшного, небритого и одетого в пегий фрак*», повествователь внезапно называет его «*этот почтенный гражданин*» [Гоголь,1994] – очевидно иронический эпитет, пародирующий официальный язык и высвечивающий комизм ситуации. Повествователь использует и параллелизм: Ковалев утратив нос, идет по улице, закрывая лицо платком, показывая вид, как будто у него шла кровь, тогда как его Нос, уже получивший желаемый чин, так же «*согнувшись*» выходит из кареты [Гоголь,1994]; зеркальность поведения героя и его утраченной части подана без комментария, но сама структура эпизода выражает авторскую насмешку, где чин важнее человека. В соборе повествователь мимоходом отмечает, что Ковалев «*пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами*», над которыми он «*прежде так смеялся*» [Гоголь,1994], – деталь, раскрывающаяся его страх потерять лицо как продолжение прежнего презрения к обезличенным. Насмешка повествователя становится явной в сценах метаний Ковалева по учреждениям: герой и попросить толком не смел и подарков не принес, то есть не выполнил тех ритуалов, которые сам считает обязательными для защиты чести. Когда нос найден и герой едва не пускается в пляс от радости, повествователь вдруг переходит в философский регистр: «*Но на свете нет ничего долговременного, а потому и радость в следующую минуту за первую уже не так жива. . .*» [Гоголь,1994] – за иронией на мгновение проступает меланхолия. В финале ирония переходит в самоиронию: «*Теперь только, по сравнению всего, видим, что в ней есть много неправдоподобного*» [Гоголь,1994] – повествователь притворяется растерянным, утверждая абсурд как норму социальной реальности.

Таким образом, сопоставление эмоций героя и автора-повествователя в повести «Нос» обнаруживает два принципиально разных способа переживания действительности. Ковалев проходит через страх, отчаяние, обиду, унижение и радость – искренне, но поверхностно: его эмоции не ведут к глубокому самопознанию, хотя пережитое испытание все же смягчает его характер. Автор повествователь, напротив, выстраивает иную эмоциональную партитуру: его невозмутимость скрывает иронически-горькое удивление перед системой, где чин подменяет человека; насмешку над героем, неспособным выйти за пределы собственной социальной маски; меланхолию в философском отступлении о недолговечности радости; и самоиронию финала, где абсурд признается нормой.

Источники и литература

- 1) Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 9 т. Т. 3 Повести. М.: Русская книга, 1994. <http://ilibrary.ru/text/76/p.1/index.html>
- 2) Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. — Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. — С. 306—326